

Юрий Солоневич

Лучшие из лучших

1. Костя

Волчок из дорожной пыли и песчинок возник у самой обочины внезапно. И в этом было что-то мистическое. Он вращался всё быстрее и быстрее, увеличивался, захватывая в свою воронку мелкие камешки и сухую траву, ещё более разрастался, изгибаясь в разные стороны, кружился в своём безумном танце, как шаман на одной ноге, и невозможно было оторвать от него взгляд. От обочины «афганец» метнулся к горящему БТРу, затем резко ушёл в сторону отвесной скалы у другого края дороги и там внезапно исчез, рассыпался, растворился в сухом, раскалённом воздухе.

За БТРом, прижимаясь к броне, стоял механик-водитель в изорванном и кое-где дымящемся комбинезоне и тщательно целился из автомата в сторону периодически появляющихся вспышек на гребне горы. Потом Костя увидел, как у бойца дёрнулось от отдачи правое плечо, и пулёмёт на вершине умолк. Водитель повернул голову и показал большой палец: «отлично». Лицо его было чёрным от копоти, только белые зубы

сверкнули в улыбке, и Костя поймал себя на мысли, что когда-то он уже видел это улыбающееся лицо. «Да это же Ковш», — радостно подумал он и кивнул водителю. И тот, всё также улыбаясь, тоже кивнул головой и стал медленно оседать, сползая по броне и оставляя на зелёной, выгоревшей краске неровную багровую полосу...

Костя почувствовал, что ЭТО стало слабее и ушло куда-то в темноту, и тогда он вернулся обратно в своё тело и услышал голос Полковника:

— На Украину я тебя провезу. Это реально.

— А дальше что? — спросил Андрюха.

— А дальше — куда хочешь. Думаю, там тебя не скоро искать начнут. Если вообще начнут.

— Ты молодец, Полковник. Я тебе признателен за дружбу. Но у меня там никого нет. Ни на Украине, ни за Украиной — нигде.

— Ты подумай, — снова сказал Полковник, — вспомни, где у тебя кто-нибудь есть.

— У меня есть ты и Костя.

— Беда в том, что здесь мы мало чем тебе поможем. Здесь мы тебя не спрячем. Надо искать вариант, пока не поздно.

— Сколько ни думай — ничего не придумаешь.

— Что же теперь — вешаться?

— Вешаться некрасиво, несолидно. Лучше — застрелиться.

— Я не знаю, что и сказать, — пожал плечами Полковник.

— А зачем говорить? Можно ведь просто выпить.

— Если бы это решило проблему.

— В крайнем случае, хоть не надолго приглушит.

Костя открыл глаза и стал соображать, где он находится.

Сначала он увидел обшитый фанерой и окрашенный белой краской потолок. Затем перевёл взгляд на окно, состоящее из небольших ромбиков оранжевого стекла (отчего свет, льющийся снаружи, придавал всей убогой обстановке какой-то радостный оттенок).

Полковник сидел на небольшом деревянном табурете явно своего, кустарного производства, обхватив седую голову руками. Он был маленький и щуплый, как подросток, и глаза его сейчас выражали отчаянье.

— Ты проснулся? — спросил он у Кости.

— Я и не спал, вообще-то. Так, вспоминал.

— ... Что даже стены дрожали, — добавил Андрюха.

Он стоял у открытой двери и курил, выдыхая дым на улицу.

— Не надо, я не храплю. Разве если только сильно устану.

— Значит, у тебя сегодня был трудный день, — ухмыльнулся Андрюха.

— Наверное, завтрашний будет не легче.

Костя снова закрыл глаза и подумал: «Как же всё это могло произойти? С чего всё началось?» И сам себе ответил: «Да ни с чего, собственно, и началось. С праздника, как всегда. Такие лихие дела обычно и начинаются с праздника».

2. Андрюха

Костя стал вспоминать сегодняшний день и вдруг осознал, что всё пролетело как-то очень быстро. И события, казалось, не подчинялись никакой логике и не имели никаких объективных причин. «Хорошо ещё, что никого не убили, — промелькнуло у него в голове. — А остальное как-нибудь образуется. Обязательно что-нибудь ещё случится — и всё закончится хорошо, так же хорошо, как и началось».

А начались сегодняшние события рано утром, когда Андрюха пришёл к нему в парадной форме и уже изрядно подшофе. Принёс цветы Люське и конфеты детям. И бутылку, конечно. Люська, злая на весь мир (после ночной смены), быстро приготовила поесть и ушла досыпать. А они выпили всю бутылку. Андрюха уже не закусывал толком — просто ковырялся вилкой в тарелке и

курил сигареты одну за другой. Потом Костя тоже надел парадную форму, и они вышли во двор.

За дощатым столиком для домино сидели человек пять из их подъезда — все при параде — и пили вино. Костя и Андрюха, само собой, присоединились. Андрюха сбегал за гитарой, и в компании стало очень весело. Весело и беззаботно, как в те золотые времена, когда «деревья были большими». И Костя видел, что Андрюха, напевая любимые песни, просто сияет от радости.

Потом они все вместе пошли в городской парк и сидели у фонтана на скамейке и на бордюрах, и просто на траве в тени деревьев и аккуратно постриженных кустиков живой изгороди. И тёплый ветерок доносил до них мельчайшие водные брызги. Пили, конечно, и задирали прохожих.

Костя и Андрюха зашли «вспомнить молодость» в пневматический тир, под который был приспособлен автофургон. Но пострелять толком не удалось: пожилой отставной офицер — работник тира — по-военному быстро сориентировался в обстановке, объявив, что закончились пульки, закрыл заведение и ушёл от греха подальше.

А после ребята всей группой сфотографировались у фонтана, и пошли на набережную. А там, у стоящего на приколе теплохода, переоборудованного под летнее кафе,

они опять пили вино и водку вперемешку и почти без закуски.

Невысокий парапет отгораживал тротуар от спуска к воде. Костя, почувствовав себя не очень хорошо, спустился вниз по щебню, которым был усыпан берег, умылся и поднялся обратно к теплоходу, где, по словам Андрюхи, «шёл процесс». Кто-то подходил, кто-то уходил, и нельзя было понять, откуда берётся выпивка, и разговоры велись как-то отрывочно и громко, сопровождались смехом и матом. Там же, у кафе, кое-кто уже начинал небольшие потасовки между своими. Но, не достигнув «критической массы», те быстро затихали.

Костя интуитивно чувствовал, что в наэлектризованной до предела «атмосфере» должна вот-вот проскочить искра. Он видел, что и остальные чувствуют это, и тоже с нарастающим возбуждением ждут чего-то такого, ради чего, вообще-то, и собрались здесь. И когда к ним подошёл милицейский патруль, у Кости в мыслях промелькнуло: «Вот сейчас и начнётся». Но он ошибся. Милиционеров было всего трое, и они вели себя мирно, явно не замечая насмешек, ругани и откровенных провокаций.

Патрульные милиционеры немного постояли и ушли, провожаемые косыми взглядами. Костя видел, как они скрылись в подъезде пятиэтажки и

изредка выглядывали оттуда, словно чего-то ожидая. А потом, когда с другой стороны набережной показались омовцы, он понял, чего ждали милиционеры.

Омовцы подошли поближе: их было довольно много, вооружённых резиновыми палками, в чёрных, скрывающих лица масках.

Костя вдруг заметил, что ребята вокруг него замолчали и стали потихоньку выстраиваться в шеренгу. Некоторое время они стояли, переминаясь с ноги на ногу, приглядывались к противнику и ярили себя, играя мускулатурой. И каждый из них понимал, что это сегодня и будет главным, что именно для этого они и собрались здесь, на набережной. И каждый ждал, когда это начнётся. И кровь кипела от алкоголя и адреналина, и глаза лихорадочно блестели, и в низу живота было холодно, как в глубоком афганском колодце.

Костя пропустил то мгновение, когда остальные, подобно лавине, вдруг сорвались с места и ринулись вперёд. Ринулись с таким остервенением, что в первый же момент омовцы дрогнули и побежали. Костя как мог, пытался догнать ребят, припадая на искалеченную ногу. Но все старания его были напрасны. Окончательно выбившись из сил, он остановился у парапета, глотая от обиды слезы и, тяжело дыша, глядел на удаляющиеся спины друзей. И поэтому не заметил,

как один из патрульных милиционеров, прятавшихся в подъезде, осторожно подкрался к нему сзади и ударил резиновой палкой по голове.

Боли Костя не почувствовал (он давно научился обманывать и боль, и ЭТО). Он просто вышел из своего тела и стал смотреть на всё происходящее словно со стороны, и увидел то, чего не заметил патрульный, возившийся в это время с наручниками: Андрюха оглянулся, затем резко повернул назад и через несколько секунд оказался возле них.

— Ну, и что дальше? — спросил Андрюха у опешившего от неожиданности милиционера.

— А-а-а, что? — невнятно ответил тот и размахнулся палкой для удара.

— Это ты зря, — сказал ему Андрюха.

Левой рукой он перехватил палку, а косточками правого кулака на встречном движении сильно ударил милиционера в промежуток между носом и верхней губой, отчего глаза у того закатались, и он, сверкнув белками, рухнул на асфальт.

Андрюха поднял Костю и перенёс на скамеечку под развесистой липой. Костя открыл глаза и спросил:

— Что с Ковшом?

Но потом ЭТО окончательно ушло, и Костя понял, где он.

— Как ты? — спросил Андрюха. — Идти сможешь?

— Смогу, — ответил Костя и попытался встать, но тело всё ещё не слушалось его.

Омоновцы к этому времени уже оправились от первого испуга и, пользуясь численным превосходством, рассеяли ребят — разделили на небольшие группы — и, потихоньку скручивая им руки, надевали наручники. Второй патрульный милиционер выскочил из подъезда, подбежал к скамейке и закричал, размахивая палкой:

— Сюда, сюда, здесь ещё двое!

При этом он стал осторожно приближаться, но Андрюха сделал резкий выпад в его сторону, и милиционер отскочил и остановился, ожидая помощи.

К ним подбежал омоновец, высоченный и здоровый, как амбальный грузчик.

— Что ты смотришь на них? Давай вязать! — пробасил он и направился к скамейке.

— А может, не надо? — с угрозой сказал ему Андрюха. — Спокойнее будет.

— Нам спокойнее будет, когда вас, уродов, в «обезьянник» посадим.

Здоровяк постучал резиновой палкой по левой ладони и стал надвигаться на Андрюху.

— Слышь, джигит, чем тебя кормят? — спросил его Андрюха и резко ударил носком

ботинка ему по голени.

Омоновец только вздрогнул, но не остановился. Потом он замахнулся, и его рука с палкой начала описывать дугу, нанося удар.

Андрюха не стал отходить. Он неожиданно шагнул навстречу противнику, перехватил его руку и, словно помогая ей лететь по дуге, потянул вниз, завёл ему за спину и сильно дёрнул вверх. Омоновец, выронил палку, но, несмотря на боль в сломанной ключице, самообладания не потерял. Он развернулся лицом к Андрюхе и без замаха ударил его левым кулаком в солнечное сплетение. Удар достиг цели, и Андрюха побелел, но не упал. Некоторое время они стояли друг против друга, ничего не предпринимая. Потом Андрюха восстановил дыхание и сказал:

— Значит, ты левша или одинаково владеешь обеими руками. Молодец! Вторую руку я тебе ломать не буду: подтираться не сможешь.

Сквозь прорези маски были видны глаза омоновца: широко раскрытые то ли от страха, то ли от боли (а скорее, и от того, и от другого). И если бы он сейчас ушёл в сторону — всё бы на этом и закончилось. Но левой рукой здоровяк потянулся к газовому баллончику на поясе, и тогда Андрюха ударил его внешней стороной стопы по коленной чашечке. Раздался глухой хруст, и омоновец, потеряв сознание, упал на землю.

Всё произошло очень быстро, и патрульный милиционер, который первым подбежал к скамейке, стоял, словно парализованный.

— Помоги ему, — повелительно сказал Андрюха.

Подбежали ещё два бойца ОМОНа, но Андрюха обвёл их тяжёлым взглядом, и они в растерянности остановились.

— Чего стоите? — спросил у них Андрюха. — Вызывайте по-быстрому «скорую».

Затем он помог Косте встать, и они, повернувшись, медленно пошли вдоль набережной. Костю шатало из стороны в сторону, и Андрюха временами почти нёс его на себе. А когда они подходили к проезжей части, у обочины, визжа тормозами, остановился синий «Москвич». За рулём сидел Полковник. Он открыл правую дверцу и сказал:

— Давайте в машину!

Андрюха аккуратно устроил Костю на переднем сидении, а сам запрыгнул на заднее и вдруг увидел там свою гитару.

— Откуда? — спросил он удивлённо.

— Виталика благодарите, — ответил Полковник. — Он сказал, где вы. Увидел, что я еду, остановил и сказал. И гитару отдал.

— Отблагодарим непременно, и не единожды, — заверил Андрюха. — И тебя тоже.

— Досталось сильно? — спросил Полковник.

— Мне — нет. А вот Косте — по полной программе.

— У нас проблема, — сказал Костя. — Мы омовца поломали.

— Сильно? — нахмурился Полковник.

— Руку в ключице и ногу в колене, — сказал Андрюха. — Я поломал, и я хочу ясности: проблема у меня.

— Да, — сказал Полковник, — но я надеюсь, что ты поделишься.

— Жадным не был, — согласился Андрюха.

— Вот и хорошо, — удовлетворённо кивнул Полковник.

Они выехали из города быстро — благо, был выходной, и поэтому движение большой интенсивностью не отличалось — и всю оставшуюся дорогу молчали. Костя смотрел в окно ничего не видящим взглядом, и думал: «Полковник поможет». Он понял, что тот везёт их к себе на дачу, на которой Костя уже бывал и раньше.

Несколько раз, пока они ехали, ЭТО подбиралось очень близко. Но было ещё слабым и пока сдерживалось усилием воли. А когда Полковник открыл замок, и они вошли в домик, Костя попросил:

— Можно, я прилягу?

— Конечно, — Полковник показал рукой на

потёртый диван. — Вот, возьми подушку.

И Костя быстро прилёт, потому что ЭТО уже надвигалось, затемняя сознание, подобно тому, как чёрная туча перед грозой неумолимо заслоняет собою солнце.

Волчок из дорожной пыли и песчинок возник у самой обочины внезапно...

3. Полковник

В дачном домике Полковника была всего одна комнатка, похожая на бытовку строителей: небольшой столик посредине, а возле стенок — старый шкафчик, несколько табуреток и диван, на котором лежал Костя.

— Я долго ... спал? — Костя опустил ноги вниз и сел на диване.

— Нет, не долго, — ответил Андрюха. — Ты слышал? Полковник предлагает бежать на Украину.

— Да. Ты ему всё рассказал?

Андрюха кивнул головой и спросил:

— А твоё мнение?

— Думаю, он прав.

— Ты со мной побежишь?

— Да.

— А Люська с детьми тоже?

— Нет.

— Тогда кто их кормить будет?